

ББК 67.3

В.В. Клочков

**ПАРЛАМЕНТСКИЕ СВОБОДЫ И ПРЕРОГАТИВНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ
АНГЛИЙСКОЙ КОРОНЫ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ**

В середине 1970-х гг. историк английского права Дж. Сейлз, изучая роль, места и эволюцию парламентских свобод в раннее Новое время обнаружил, что вигская историография, отталкивавшаяся от триумфа парламента в XIX в. недооценила роль, которую парламент играл в XVI–XVII вв. К началу нашего столетия стало очевидно, что многие выводы относительно парламентских свобод в раннее Новое время, нуждаются в более осторожной оценке.

Парламентские свободы в раннее Новое время.

Victor V. Klochkov

**PARLIAMENTARY FREEDOM AND PREROGATIVE POWERS
OF AN ENGLISH CROWN DURING EARLY MODERN AGE**

In the mid-seventies the historian of the English law J. Sales, studying a role, places and evolution of parliamentary freedom during early Modern age has found out, that Whig historiography which was making a start from triumph of parliament in XIX century, has underestimated a role which the parliament played XVI–XVII centuries. Now it became obvious, that many conclusions concerning parliamentary freedom during early Modern period require more conservative estimate.

Parliamentary freedom during early Modern Age.

Парламентские свободы были и остаются центральной составляющей английской политической культуры. Уже в XVIII в., в газетах эпохи Георгов слово «parlement» переводилось как «парламент», и подразумевало исполнение присущих парламенту функций. В последней трети XIX в. У. Стаббс, автор одного из самых значительных исследований по истории английского парламента, отдавая дань сформировавшемуся образу, пытался обнаружить в XIII–XIV вв. такой парламент, каким он был в его время [1. Vol. 1. P. 28–33]. К началу XX в. историки и юристы, основываясь исключительно на созданных ими ретроспективном методе исследования (от настоящего к прошлому), решили, что в раннее Новое время (с 1603 по 1832 гг.) английский парламент постепенно эволюционировал от сословной ассамблеи к современному народному представительству [2. С. 224–238].

В середине 1970-х гг. историк английского права Дж. Сейлз, изучая, каким образом рассмотрение событий в направлении от настоящего к прошлому повлияло на историографию проблемы, обнаружил, что вигская историография, отталкивавшаяся от триумфа парламента в XIX в. и искавшая в XVIII в. предшествующие этому триумфу прогрессивные изменения, недооценила роль, которую парламент играл в XVI–XVII вв. [3. P. 33]. К началу нашего столетия стало очевидно, что многие выводы относительно роли, места и эволюции парламентских свобод в раннее Новое время, нуждаются в более осторожной оценке. В настоящей статье предпринята попытка проследить, в чем заключается этот осторожный подход.

Английский парламент никогда не был сословной ассамблеей в строгом смысле слова. На раннем этапе своего существования в нем была представлена только знать, клирики и юристы. Высшее и низшее дворянство, в конце концов, оказалось в разных палатах, и джентри пришлось уживаться с небольшим количе-

ством буржуа и представителей свободных профессий. В раннее Новое время английский парламент был ассамблеей землевладельцев, представлявших, по современному демократическим понятиям, только две тысячи человек. В этом нет ничего удивительного, поскольку в XVIII в. народное представительство не было связано с демократическими механизмами в их теперешнем конституционно-правовом понимании. В обществе, скрепленном отношениями патроната и клиентелы, палата лордов в Англии представляла не только свое мнение, но также интересы иных личностей и социальных групп, корпораций и отдельных местностей. В раннее Новое время парламент скорее считался барьером, препятствовавшим вырождению монархии в деспотию.

Парламентские свободы, независимо от того насколько реально они существовали, на протяжении пятисот лет были главной составляющей национальной мифологии. В XV в. сэр Джон Фортескью впервые сделал их предметом национальной гордости, указав, что парламенты – явление исключительно английское [4. С. 120]. В действительности же, начиная с XIV в. финансовая необходимость заставляла многих европейских (а не только английских) монархов создавать словесные представительства, которые могли объединить страну и одобрить введение налогов.

Что касается английского парламента, то современники преувеличивали его значение. В XVI–XVII вв. парламент собирался нерегулярно и не являлся обычным инструментом управления. Парламент обладал неоспоримой монополией на вотирование налогов, однако тюдоровские и стюартовские министры практически всегда находили способы обойти ее. Насильственные займы, пожертвования и корабельные деньги были сомнительными, но эффективными способами получения наличных. Согласия парламента испрашивали в исключительных случаях, когда вотировались налоги на чрезвычайные нужды, а не на обычные расходы правительства. В настоящее время все чаще обращают внимание на то, что финансовые полномочия парламента были очень ограниченными. Так, высказывается предположение, что при первых Тюдорах налоги проводились через большие советы (обычно это была палата лордов без палаты общин), а не через парламенты. При Елизавете I одобрение парламентом налогов было простой формальностью, поскольку оно предоставлялось всегда, а однажды билль о предоставлении субсидий был внесен в парламентский протокол еще до того, как парламент собрался [5. Р. 101–102].

При ближайшем рассмотрении полномочия английского парламента оказываются неожиданно ограниченными по сравнению с властью многих европейских ассамблей. Его созыв был частью прерогативных прав короля. Он собирался по воле монарха и не имел права на регулярное или хотя бы периодическое проведение сессий. Кроме того, у него не было органа, который постоянно функционировал бы в перерывах между сессиями: ни постоянные комиссии, ни чиновники не наблюдали за министрами короля и не контролировали расходование средств, которые были получены от вотированных парламентом налогов. Поскольку английский парламент не был постоянно действующим органом, он не обладал и правовым статусом корпорации.

Положение изменилось только после 1688 г. Парламент стал собираться ежегодно и превратился в реальную политическую силу, с которой руководство страны должно было считаться. Но и в XVIII в. парламент не стал демократическим представительным инструментом. В корпоративном обществе он открывал дорогу к власти, богатые могли покупать там места и получать более высокие чины. Для отпрысков знатных семейств парламент как учреждение, охваченное сетью патроната и родственными связями элиты, был ступенью на пути к положению и должностям.

Примечательно также, что английский парламент фактически назначал себя сам. Джентри и пэры определяли кандидатуры тех, кто затем должен был составить подавляющее большинство в нижней палате. Такой контроль превращал палату общин английского парламента в одну из самых необычных ассамблей в Европе XVIII в. Парламентские выборы не стимулировали активную политическую жизнь: в 1761 г. борьба велась только за 42 места из 203, принадлежавших городам, и за 4 из 44, предоставленных графствам. Такое положение вещей было в это время нормой. Можно сказать, что многие места, предоставляемые городам, были собственностью тех, кто их занимал. При Ганноверской династии число мест в палате общин, кандидатов на которые определяли члены палаты лордов, постоянно увеличивалось. После периода неопределенности и неразберихи, которыми ознаменовалось правление королевы Анны (1702–1714 гг.), знать стремилась укрепить свои позиции. В 1705 г. она контролировала 105 мест в палате общин. В 1747 г. эта цифра возросла до 167 мест, а в 1784 г. – до 197. С начала столетия число клиентов пэров в парламенте увеличилось, вероятно, в четыре раза. В 1784 г. 304 из 558 членов палаты общин были связаны с пэрами. Церемонии открытия многих парламентских сессий в правление Георгов напоминали семейные встречи [6. Р. 104–115].

Монархи Ганноверской династии активно использовали свое прерогативное влияние для манипулирования парламентом. Поскольку в обеих палатах английского парламента было достаточно приверженцев династии, Георги умело нейтрализовал опасность оказаться в финансовой зависимости от произвольных решений парламентариев, распределяя между ними свое покровительство. Сформировать парламента было очень важно для того, чтобы королевское правительство могло продолжать работу. В контексте отсутствия обязательного конфликта между короной и представительством в XVIII в., ежегодные сессии представляются скорее благом, поскольку в правление Георгов ни один из парламента не отказывался вотировать субсидии и не настаивал на их обязательном возмещении. В Англии средство, позволявшее избежать конфликтов между парламентом и прерогативой, называлось «умелым управлением». И действительно, достаточно сложно связывать подобный «социальный менеджмент» с абсолютизмом [7. Р. 204].

Тем не менее современные историки и юристы до сих пор зачастую разделяют мнение вигской историографии о том, что вскоре после 1688 г. Англия превратилась в конституционную монархию. Монарху приходилось делегировать свои полномочия министрам, которых избирал парламента: следовательно, решения короля были подконтрольны им. Англия дистанцировалась от «абсолютистской» Европы и стала одним из немногих государств, в которых репрезентативные органы управляли страной. В XVIII в. правление в стране было парламентаским. Английский парламента назначал и смещал министров, объявлял войну и заключал мирные договоры. Первым двум государям ганноверской династии пришлось сформировать свои правительства из лидеров партии большинства в палате общин [8. Р. 37].

Впоследствии стало очевидно, что к тенденции преувеличивать историческую роль парламента следует относиться с осторожностью. Объявлять, что в XVIII в. власть принадлежала королю-в-парламенте, означает игнорировать те прерогативные полномочия, которыми обладала исключительно корона. В эпоху правления Георгов парламента вовсе не обладали такими правами и инициативами, которые были неведомы средневековым ассамблеям, а в некоторых отношениях их полномочия даже сократились. Средневековые парламента имели право назначать и смещать министров и наблюдать за проведением тех политических решений, на которые должны были расходоваться полученные от сбора налогов суммы. Но те средства, которые выделял парламента эпохи Георгов, король мог

тратить по своему усмотрению. Даже ежегодные сессии не были новым явлением, и у парламентариев было не больше возможностей контролировать управление, чем у их предшественников, которые собирались менее регулярно. При Эдуарде III парламент собирался каждый год и проверял расходы короля. Это тем не менее не делало его конституционным монархом. Важно было не то, как часто созывался парламент, а то, какую роль он выбирал в отношениях с монархией – роль союзника (или критика) монархии или же роль ее заместителя [3. Р. 3–20].

Существует множество источников, которые способны пролить свет на характер персональной власти, которую сохранили за собой монархи Ганноверской династии. Парламент занимался главным образом регулированием частных, локальных проблем землевладельцев. Основную массу законодательства составляли билли, лично внесенные членами парламента. В XVIII в. парламент подверг огораживанию три миллиона акров, в то время как только сто актов были посвящены сооружению каналов и дорог. Корона же почти не проявляла интереса к законодательной деятельности и редко требовала принятия новых законов. Ее исполнительная власть почти полностью вписывалась в рамки королевской прерогативы. Безусловно, ее главным делом была внешняя политика, которая также была прерогативной сферой [7. Р. 206].

Вопреки мнению вигской историографии, Акт о престолонаследии 1688 г. не представлял ни прямой, ни косвенной угрозы этой самой важной королевской прерогативе. В XVIII в. премьер-министры (присутствие которых долго игнорировали) приглашались вовсе не для того, чтобы сформировать администрацию по своему усмотрению. Премьер-министр обозначал того единственного, кто монополизировал благосклонность короля, а не на того, кто использовал свое влияние в парламенте, чтобы командовать монархом. В состав кабинета министров обычно входили и те, кто находился в оппозиции к ведущему министру, кого он не мог привести к повиновению. Кроме того, укрепление партий в течение ста лет после Славной революции также не препятствовало осуществлению королевского контроля. Ни один английский монарх XVII–XVIII вв. не считался с партиями. Королева Анна не позволяла парламентскому большинству навязывать себе кандидатуры министров. Партия еще не была эффективным механизмом ни для управления электоратом, ни для поддержания фракционной дисциплины в парламенте. В 1790-х гг. партии достигли определенных успехов, однако премьер-министры даже в начале XIX в. их практически не признавали и не пытались таким образом объединить своих сторонников [9. Р. 36].

Итак, осторожная оценка соотношения парламентских свобод и прерогативных полномочий английской короны в раннее Новое время приводит к мысли, что единственной надежной опорой для политической власти в XVIII в. оставалась королевская милость. Она открывала доступ к королевскому патронату, который обеспечивал управление парламентом. В XVIII в. правительство редко проигрывало в спорах и никогда – на выборах. Министры, пользовавшиеся доверием короля, имели моральные и материальные средства для управления парламентским большинством. Они назначались до, а не после победы на общих выборах. Власть, которой наделялись министры, принадлежала королю: он их назначал и смещал. Они редко пользовались своим влиянием в парламенте для того, чтобы навязать монарху политические решения. Они полагали, что ответственны перед королем, а не перед парламентом. Принадлежавшее парламенту право объявлять импичмент давало ему не больше возможностей выбирать министров и определять политику, чем то же самое право давало ему в XIV в.

Только после 1832 г. королевские полномочия постепенно перешли в руки министров, которых определяли избиратели, но до этого момента для политиков

решающим был личный выбор короля, а не мнение парламента. Поэтому центром политической жизни Англии, следует считать именно двор. Дебаты в парламенте могли иметь значение, однако главные баталии разыгрывались в кабинете короля.

Между 1688 и 1832 гг. реальной трансформации в парламентскую монархию не произошло, поскольку прерогатива отнюдь не уступила место парламентской санкции. Возможность выбора персоны короля со времен Славной революции не отменяла божественного характера самого института монархии. Если идея установить режим ограниченной (парламентской) монархии и существовала, то Вильгельм III и Георгий об этом не подозревали.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Stubbs W.* The Constitutional History of England. L. 1874–1878. Vol. 1–3.
2. *Гутнова Е.В.* Из истории становления английского парламента. В кн.: Парламенты мира. – М., 1990.
3. *Sayles G. O.* The King's Parliament of England. L., Edward Arnold, 1975.
4. *Хеншелл Н.* Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии в раннее Новое время. – СПб., 2003.
5. *Dean J. N.* (ed.). The Parliaments of Elizabethan England. L., Basil Blackwell, 1990.
6. *Cannon J. F.* Aristocratic Century. Cambridge University Press, 1984.
7. *Miller J.* The Potential for «Absolutism» in Later Stuart England // History, 69, 1984.
8. *Doyle W.* The Old European Order. Oxford University Press, 1978.
9. *Black J.* British Foreign Policy in the Age of Walpole. L., 1985.

Клочков Виктор Викторович

Технологический институт федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» в г. Таганроге
E-mail: klochkov@tsure.ru

347928, г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44, тел. 31-14-27
Заведующий кафедрой теории права.

Klochkov Viktor Viktorovich

Taganrog Institute of Technology - Federal State-Owned Educational Establishment of Higher Vocational Education «Southern Federal University»

E-mail: klochkov@tsure.ru

44, Nekrasovskiy, Taganrog, 347928, Russia, ph. 311-427

Head of the Department of Law Theory.

ББК 67.3

В.В. Клочков

АНГЛИЙСКИЙ АБСОЛЮТИЗМ В ИСТОРИИ ПРАВА: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

В статье анализируются основные типологические признаки абсолютизма и проблема абсолютизма раннего Нового времени в историографии. Указывается, что в раннее Новое время абсолютные монархии не походили на аристократии XIX в.: в них преобладал консультативный элемент, они были более конституционными и патриархальными.

Абсолютизм, раннее Новое время.